

Часть 3

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ И ДИАГНОСТИКИ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА

Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин

Первая часть данной книги была посвящена теоретическому конструированию понятия личностного потенциала как описывающего некоторую целостность. Содержанием второй части, напротив, служил анализ конкретных психологических переменных, рассматриваемых как его составляющие. Небольшая третья часть предваряет изложение оригинальных исследований авторов данной книги (часть 4) и служит своеобразным «интерфейсом» к ней. В этой части рассматриваются методологические проблемы исследования личностного потенциала, как общего плана (в данной главе), так и более специальные, касающиеся математического аппарата и проблемы социальной желательности данных (в последующих главах).

В данной главе мы рассмотрим в первую очередь специфику переменных личностного потенциала как не вполне традиционных мишеней диагностики, которым адекватен подход, названный нами «неклассическая психодиагностика» (Леонтьев, 2010а). Кроме того, мы сочли целесообразным дать здесь краткие описания и характеристики основных методических инструментов, регулярно используемых авторами данной книги в исследованиях личностного потенциала. В заключение мы остановимся на некоторых частных вопросах, в частности, затрагивающих технологию сбора данных через Интернет.

Структуры личностного потенциала как мишени неклассической психодиагностики

Как и без малого сто лет назад, классическая психодиагностика продолжает исходить из понятия индивидуальности человека как объекта изучения, подобного объектам других естественных наук: доступного познанию внешнего наблюдателя, подчиняющегося универсальным законам, замкнутого в своих границах, хоть и взаимодействующего с другими объектами, и обладающего неизменной и познаваемой имманентной природой, проявляющейся в его дей-

ствиях. В частности, понятие черт личности напрямую связано именно с таким образом человека.

Вместе с тем, развитие наук о человеке привело к заметному усложнению представлений о нем. Психология стала рассматривать человека не столько как индивидуальность, характеризующуюся набором измеримых признаков разной степени выраженности, сколько как личность, обладающую внутренним миром, способную относиться к собственным действиям и проявлениям, опосредовать и регулировать их, делать себя объектом целенаправленных действий, а также произвольно инициировать и выбирать действия и выходить за рамки любых априорных данностей и задач. При этом наряду с универсальными свойствами и закономерностями личности присущи и факультативные свойства и закономерности более высокого уровня, появление которых связано с достижением определенного уровня личностного развития и обнаруживается не у каждого взрослого. Именно эти прижизненно складывающиеся психологические характеристики, не обладающие свойством всеобщности, и являются носителями высших произвольных регуляций высокого уровня.

Это усложнение представлений о природе человека и строении его жизнедеятельности ставит задачу расширения списка ключевых мишеней личностной диагностики. В круг наиболее традиционных мишеней классической психодиагностики входят способности, черты и состояния (см., например, *Анастаси, Урбина, 2007*); из них первые два соотносимы с элементами устойчивой природы человека. Все эти понятия опираются на опыт обыденного сознания, на объяснение поведения «с первого взгляда» (*Хекхаузен, 1986*), при котором в качестве детерминант поведения рассматриваются те или иные внутренние причины. Большое влияние на формирование классической психодиагностики оказала дифференциальная психология В. Штерна (1998) как универсальная методология изменения психологических признаков через соотнесение индивидуальных значений этого признака с его выборочным распределением. Этот измерительный подход основан на представлении человека как изолированной монады, замкнутой в своих границах (см. *Леонтьев, 2006*).

Как известно, некоторая форма поведения считается чертой личности, если она отвечает трем критериям: (1) стабильна во времени; (2) инвариантна по отношению к разным ситуациям и (3) неодинаково выражена у разных индивидов (см., например, *Хекхаузен, 1986*). Черта определяется через внешне фиксируемые признаки, обнаруживающие некоторую математическую закономерность и получающие словесное обозначение; при этом вообще не встает вопрос о собственно психологической природе того механизма, который полагается в основе соответствующей поведенческой тенденции. С формальной точки зрения под это понятие операционально можно подвести очень разные психологические переменные, включая удовлетворенность жизнью и мировоззренческие убеждения; это, однако, ничуть не помогает понять природу этих переменных; безразмерное понятие «черта» скорее препятствует, чем способствует этому.

Черты — как и способности, и состояния — это переменные, связанные с довольно поверхностным уровнем психики человека и животных. Классиче-

ская дифференциально-психометрическая психодиагностика измеряла принципиально те же характеристики человека, которые мы обнаруживаем и у животных, конечно в более дифференцированном и разнообразном варианте. Сложнее отнести это к проективной психодиагностике, которая обнаружила такие мишени, как процессы психодинамики, конфликты и защиты. Трудно всерьез обсуждать, имеются ли они только у человека или нет. Однако и в том, и в другом случае можно утверждать, что мишенями классической психодиагностики служат психологические механизмы, которые работают сами и которые мы, как правило, не контролируем. Дж. Бьюджентал (*Bugental, 1991*) уподобил их «пленкам», на которые записывается наш опыт и которые, включаясь, точно воспроизводят записанное. Это существенная часть нашего психологического оснащения, и их диагностика может дать много информации о человеке.

Вместе с тем в последние десятилетия мишенями психодиагностики постепенно становятся и более сложные психологические образования. Одни из них соответствуют формально-математическому определению черт личности, но не сводятся к «пленкам», механически воспроизводящим одну и ту же устойчивую особенность поведения. Другие имеют принципиально иную природу и способы функционирования. Один из авторов попытался систематизировать и описать эти новые мишени неклассической психодиагностики (*Леонтьев, 2010а*). Признание реальности внутреннего мира личности влечет за собой необходимость изучения *содержаний и отношений*; признание системной организации жизнедеятельности влечет за собой необходимость изучения *атрибутивных схем и принципов структурной организации* систем личности, наконец, признание рефлексии, самодетерминации и выбора влечет за собой необходимость изучения *стратегий, межуровневых регуляторов и механизмов самотрансценденции и надситуативности*. Эти мишени предполагают разработку более сложной стратегии тестирования, чем традиционная психометрика, поскольку соответствующие индивидуальные различия несводимы к легко измеряемым количественным показателям и имеют качественную, уровнево-типологическую и системную природу.

По сути дела, эти новые виды переменных отражают то, что помогает человеку не столько быть равным самому себе, сколько гибко реагировать на ситуацию, жить в непрерывно изменяющемся мире. «Изменяющаяся личность в изменяющемся мире» (*Асмолов, 1990*) должна обладать гибкими механизмами саморегуляции и самоорганизации, которые позволяют ей, оставаясь в главном стабильной, сохранять потенциал большой гибкости и реагирования на то, что с ней происходит, которая способна не только адаптировать себя к изменяющимся обстоятельствам, но и изменяющиеся обстоятельства к себе и к своим собственным ценностно-смысловым ориентациям.

Большая часть переменных, являющихся ключевыми для понимания природы личностного потенциала как потенциала саморегуляции, относится к двум группам мишеней неклассической психодиагностики: атрибутивным схемам и стратегиям.

Первой из ряда переменных, которые мы относим к разновидностям атрибутивных схем, стал локус контроля над подкреплением (Rotter, 1966). Эта переменная как мишень диагностики представляет собой убеждение в существовании большей или меньшей (или никакой) связи между индивидуальными действиями и усилиями и их результатом. Родилось это понятие в контексте необихевиоризма и идеи подкрепления, как видно уже из полного названия этой переменной, но очень быстро за рамки этого контекста вышло, положив начало выделению целого ряда мишеней исследования и диагностики, являвшихся, по сути, значимыми связями в структуре регуляции деятельности. В их числе выученная беспомощность — отсутствие связи между усилиями и результатом (Seligman, 1975); самоэффективность — мера связи между наличными средствами и целью (Bandura, 1997); каузальные ориентации — меры связи действия с его возможными причинами (Deci, Ryan, 1985a,b), и др. Обнаружилось, что люди могут по-разному конструировать связи между собственными действиями, их причинами и последствиями, и характер этих конструируемых связей оказывает огромное влияние на мотивацию и регуляцию жизнедеятельности.

Природа атрибутивных схем лучше всего иллюстрируется на примере такой переменной, как оптимизм. Сейчас получили распространение две основных теории оптимизма/пессимизма. Одна из них характеризует оптимизм/пессимизм как обобщенное ожидание будущего, которое может быть более радужным или, напротив, мрачным (Ч. Карвер, М. Шейер). Другая теория (М. Селигман) рассматривает оптимизм/пессимизм как устойчивую схему атрибуции, понимания в одном случае позитивных событий как закономерных, а негативных как случайных, в другом случае наоборот. Оптимисты считают, что плохие события случайны и неустойчивы, а хорошие неслучайны и закономерны и стабильны и детерминированы. Пессимисты же считают, что хорошие события случайны, а плохие закономерны. От такого рода субъективной интерпретации радикальным образом зависит вся саморегуляция жизнедеятельности (Гордеева, Осин, Шевяхова, 2009; см. также настоящее издание, с. 131—177).

Атрибутивные схемы складываются прижизненно под влиянием событий, с которыми мы сталкиваемся. Система представлений о том, как именно устроен мир, что от чего зависит, что с чем связано, — это та ориентировочная основа, от которой во многом зависит, как мы будем действовать, какие будем принимать решения, с какой энергией побуждения будем преследовать те или иные цели. Если мы верим, что эти действия приведут к какому-то результату, то будем очень энергично стараться этого результата достичь. Если мы не верим, что эти действия приведут к какому-то результату, то какая бы сильная мотивация у нас ни была, она не породит интенсивных усилий — смысла нет. Вместе с тем было бы неточно называть эти представления когнитивными, как нередко делают. Ведь к когнитивной сфере относится все то, что связано с «опознанием инвариант внешнего окружения» (Royce, Powell, 1983), отображением некоторой иной объективно существующей (или полагаемой нами как существующая) реальности. Там же, где же речь идет о конструировании самодостаточного образа, который не может быть протестирован на степень соответствия некоторому

более объективному критерию, разделение на когнитивные и аффективные процессы и элементы невозможно. Это в полной мере относится и к атрибутивным схемам: они не могут быть истинными или ложными, поскольку любая атрибутивная схема порождает поведенческие последствия, подтверждающие эту схему по механизму «самоосуществляющегося пророчества». Поэтому они, как и многое другое, не вписываются в дихотомию «когниция—эмоция», являя собой «единство аффекта и интеллекта» (Выготский, 1996). Из числа составляющих личностного потенциала, рассмотренных в предшествующих главах, к категории атрибутивных схем относятся автономная каузальность (см. настоящее издание, с. 210—240), оптимизм (с. 131—177) и самоэффективность (с. 241—266).

Еще одну категорию мишеней диагностики представляют собой *стратегии* — особая разновидность устойчивых личностных диспозиций. Представление о стратегиях возникает, когда мы рассматриваем человека не просто как механическое устройство, в которое заложены определенные механизмы реагирования, а как более сложное устройство, обладающее сознанием и возможностью выбора, возможностью относиться к самому себе, к своим действиям, к своему поведению, к своим реакциям и по-разному строить свои действия. Стратегии, подобно чертам личности, являются устойчивыми и, строго говоря, подпадают под эту категорию. Однако, в отличие от подавляющего большинства черт, попавших в фокус внимания психологов, стратегии являются устойчивыми способами поведения, более или менее осознанно выбранными при наличии альтернативы, и подвержены целенаправленным изменениям; это не самопроизвольно функционирующие на автопилоте «пленки», а стабильные ориентиры для «ручного» управления собственной произвольной активностью. Выбирая стратегию, субъект выбирает способ обращения с внешними ситуациями и внутренними переживаниями. Стратегии не всегда осознаются нами актуально, но всегда могут быть осознаны и являются всегда объектом нашего выбора, даже если мы делаем этот выбор, не заметив, что его сделали. Стратегии — это всегда некоторая устойчивая направленность нашего поведения, которая, однако, может быть в данной ситуации и иной. Примерами стратегий выступают такие описанные в предшествующих главах составляющие личностного потенциала, как контроль за действием (см. настоящее издание, с. 330—359), жизнестойкость (см. Леонтьев, Рассказова, 2006; настоящее издание, с. 178—209) и толерантность к неопределенности (с. 300—349). Принято относить к стратегиям и индивидуальные механизмы совладания с трудными ситуациями (с. 267—299); мы считаем это спорным, однако более подробное обсуждение этого вопроса выходит за рамки данной главы.

Со стратегиями тесно смыкаются *межуровневые регуляторы*, представляющие собой механизмы вариативных связей между разноуровневыми элементами личности. Межуровневые регуляторы отражают возникающее по мере развития расщепление психологической структуры индивида на структуры индивидуальности, оказывающие предсказуемое и устойчивое непосредственное влияние на поведение, и надстраивающиеся над ними регуляторные структуры личности, опосредующие проявления первых (Леонтьев, 2006). Влияние этих регуляторных структур личности не столь однозначно и однонаправленно; как

показал еще В.С. Мерлин (1986), связи между структурами, относящимися к разным структурным уровням, в отличие от связей между одноуровневыми структурами, многозначны. К таким регуляторам относятся определенные формы рефлексивности (см. настоящее издание, с. 360—381).

Личностный потенциал в эмпирических исследованиях

Личностный потенциал (ЛП) как целое представляет собой неспецифическую систему устойчивых, но поддающихся целенаправленному развитию и изменению индивидуально-психологических характеристик, связанную с успешностью деятельности в ситуациях неопределенности, достижения и давления и релевантную задачам выбора и осуществления деятельности в изменяющихся условиях. Личностный потенциал не является одномерным. Человек с развитыми стратегиями выбора и совладания с неопределенностью окажется успешным в ситуации выбора, однако, не обладая достаточными навыками саморегуляции, он может оказаться менее успешным в ситуации осуществления деятельности, и наоборот. Вместе с тем, как было показано ранее (Леонтьев, Мандрикова, Осин, Плотникова, Рассказова, 2007), различные подсистемы личностного потенциала (в частности, потенциал самоопределения и потенциал достижения) обнаруживают синергичное взаимодействие, усиливая друг друга; в частности, при низкой выраженности одной из этих подсистем выраженность второй может быть в лучшем случае средней. Тем самым взаимодействие различных компонентов и подсистем личностного потенциала носит заведомо более сложный характер, чем их механическая сумма.

К частным задачам, решаемым в контексте эмпирического изучения личностного потенциала, можно отнести следующие:

- Выявление и диагностика индивидуальной выраженности отдельных составляющих ЛП.
- Выявление связи переменных ЛП с результирующими переменными, то есть переменными, отражающими меру успешности в тех или иных сферах жизнедеятельности. Результирующие переменные подразделяются на объективные и субъективно-оценочные. К первым относятся, в терминах известной классификации Р. Кеттела, L-данные (объективные факты биографии, например: академическая успешность, победы или призовые места в соревнованиях и конкурсах, пропуски занятий по состоянию здоровья, доходы и т.п.) и T-данные (объективные результаты выполнения тестовых задач). Ко вторым относятся Q-данные (ответы на прямые вопросы и заполнение психодиагностических опросников, отражающих общую меру психологического благополучия через такие переменные, как самоотношение, удовлетворенность жизнью, счастье, самочувствие, адаптацию, отчуждение).
- Соотношение характеристик ЛП с другими группами ресурсов личности. В частности, среди психологических ресурсов различаются ресурсы

устойчивости, позволяющие субъекту проходить сквозь ситуации неопределенности, достижения и давления, не изменяясь, операциональные ресурсы, позволяющие ему реагировать на такие ситуации на операциональном уровне, ресурсы саморегуляции (к которым относится ЛП), позволяющие ему модифицировать и оптимизировать свою деятельность, если сохранение ее первоначального курса затруднено (Леонтьев, 2010б). Эти три группы ресурсов задействуются последовательно и направлены на предотвращение неблагоприятных изменений личности.

- Выявление специфики переменных личностного потенциала по отношению к разным ситуациям (неопределенности, достижения и давления), выделение специфических потенциалов самоопределения, достижения и сохранения и неспецифических переменных личностного потенциала, в равной степени значимых во всех трех проблемных контекстах.
- Выявление общей и индивидуальной структуры личностного потенциала, проявляющейся в системной организации его составляющих.

Эмпирические исследования личностного потенциала могут осуществляться в рамках различных планов. Перспективным на данном этапе изучения проблемы представляется проведение экспериментальных исследований с целью проверки гипотез об особенностях ситуаций, влияющих на успешность индивидов с различными индивидуальными особенностями ЛП. Могут моделироваться такие особенности ситуаций, как степень объективной и субъективной неопределенности, количество актуально доступных и потенциальных возможностей деятельности, качественные особенности альтернатив, определяющие объективную и субъективную сложность ситуации выбора, наличие и особенности препятствий, затрудняющих осуществление избранных целей, возникновение по мере осуществления деятельности альтернативных, более оптимальных, с точки зрения выполняемых задач, возможностей и др.

До настоящего времени эмпирические исследования ЛП были преимущественно корреляционными. Такой план позволяет изучать взаимосвязи компонентов (структуру) личностного потенциала, а также связи различных особенностей этой структуры с показателями успешности в различных ситуациях. Поскольку ЛП представляет собой индивидуально-специфический набор адаптивных стратегий, закономерности, определяющие эти взаимосвязи, также могут быть не общими, а индивидуально-специфическими. В этом случае традиционный подход к интерпретации данных корреляционного исследования даст усредненную картину. Более перспективным представляется применение методологии личностно-ориентированного подхода, предложенного Д. Магнуссоном (Magnusson, Torestäd, 1993; Magnusson, 2003). Суть этого подхода состоит в том, что изучаются общие закономерности для групп индивидов, обладающих сходными паттернами личностных особенностей. В корреляционных исследованиях этот подход реализуется с помощью методов классификации, таких как кластерный анализ или анализ латентных классов. Очень важны лонгитюдные исследования, которые позволяют изучать динамику изменения личностного

потенциала, а также типичные паттерны, или траектории, его развития во времени. Эта же схема позволяет разделять выборку на группы в соответствии с обнаруживаемыми паттернами, или траекториями, изменений.

Методический инструментарий исследований личностного потенциала

Данный раздел содержит описание основных исследовательских методик, применяемых в последние годы в исследованиях группы по изучению качества жизни и личностного потенциала (по состоянию на конец 2010 г.). Большинство из них представляют собой адаптированные версии зарубежных методик, но ряд методик являются абсолютно оригинальными или же оригинальными модификациями, сделанными на основе ранее существовавших методик, но в процессе их разработки изменивших не только состав пунктов, но и свою структуру и порой даже назначение (мишени диагностики). В этот перечень включены также несколько методик, русскоязычные версии которых принадлежат другим авторам, не входящим в нашу исследовательскую группу, но которые близки по духу нашей исследовательской программе и регулярно применяются в наших исследованиях. Часть из перечисленных методик опубликованы полностью, некоторые опубликованы частично (краткое описание) и некоторые к настоящему времени еще не опубликованы. Мы включили в перечень те из неопубликованных методик, в отношении которых можно в настоящий момент говорить о подтверждении их психометрических возможностей.

1. Результирующие переменные/ресурсы устойчивости

В эту группу методик мы включили те из них, предметом которых являются оценочные характеристики, прямо служащие мерой психологического благополучия/неблагополучия. Вместе с тем, как свидетельствуют многочисленные исследования, соответствующие переменные имеют двойственную природу, являясь одновременно и зависимыми переменными, отражающими интегральный результат действия на личность различных факторов, и независимыми переменными, выступающими информативными предикторами многих особенностей поведения и психологического состояния. Они относятся к категории ресурсов устойчивости (Леонтьев, 2010б), действие которых проявляется в повышении «порога экстремальности» ситуаций, при переходе через который ситуация начинает восприниматься как трудная, критическая или экстремальная. Высокий уровень таких ресурсов приводит к тому, что их обладатели не замечают проблемность многих ситуаций. Для людей с низким уровнем ресурсов устойчивости, напротив, даже умеренно неблагоприятная ситуация может представляться серьезной проблемой. Поэтому методики, включенные в этот перечень, отражают одновременно как оценку качества жизни в настоящем, так и ресурсы, ориентированные на перспективу будущего.

Шкала удовлетворенности жизнью (ШУДЖ). Адаптация (Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин) методики SWLS (Satisfaction with Life Scale) Э. Динера и др. (*Diener, Emmons, Larsen, Griffin*, 1984). Опубликовано частично (*Леонтьев*, 2004; *Осин, Леонтьев*, 2008). Содержит 5 пунктов, оцениваемых по 7-балльной шкале. Единственный показатель оценивает степень интегральной оценки удовлетворенности жизнью в целом. Компактность и надежность методики делают ее крайне удобной для массовых мониторинговых исследований.

Шкала общей оценки счастья (ШООС). Адаптация (Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин) методики «Subjective Happiness Scale» (*Lyubomirsky, Lepper*, 1999). Опубликовано частично (*Леонтьев*, 2004; *Осин, Леонтьев*, 2008). Содержит 5 пунктов, оцениваемых по 7-балльной шкале. Единственный показатель дает субъективную оценку общего переживания счастья. Дает результаты, хорошо согласующиеся с ШУДЖ, но по сравнению с ней больше отражает аффективный фон и аффективную оценку.

Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). Авторская модификация (*Леонтьев*, 1992), разработанная на основе теста «Purpose in Life» Дж. Крамбо и Л. Махолика (*Crumbaugh, Maholick*, 1981) с существенными изменениями. Опубликовано полностью. Содержит 20 пар утверждений, предлагающих выбор между двумя утверждениями с оценкой степени определенности этого выбора по 7-балльной шкале. Помимо общего показателя осмысленности жизни, содержит 5 субшкал, отражающих отдельные его компоненты (смысложизненные ориентации), а именно: (1) Процесс, или эмоциональная насыщенность настоящего; (2) Цели, или наличие осмысленной перспективы будущего; (3) Результат, или удовлетворенность самореализацией в прошлом; (4) Локус контроля-Жизнь, или убежденность в принципиальной возможности влиять на события; (5) Локус контроля-Я, или убежденность в собственной способности влиять на события. Анализ структуры методики, недавно проведенный Е.Н. Осиным (неопубликованные данные) на большой Интернет-выборке (N=2520), позволяет уточнить эту структуру: первые три шкалы сохраняют устойчивость, а две последних сливаются в единую шкалу локуса контроля.

Опросник субъективного отчуждения (ОСОТЧ) — адаптация (Е.Н. Осин) теста отчуждения С. Мадди и др. (*Maddi, Kobasa, Hoover*, 1980). Опубликовано (*Осин*, 2007). Измеряет выраженность 4 форм субъективного переживания отчуждения: вегетативности, понимаемой как утрата ощущения ценности потенциальных целей; бессилия, или ощущения неспособности их достичь; нигилизма, или склонности отрицать ценности; а также авантюризма, понимаемого как стремление включаться в рискованные ситуации, чтобы уйти от бессмысленности жизни. Измеряется также выраженность отчуждения в 5 сферах жизни: отчуждение от работы; отчуждение от общества; отчуждение в межличностных отношениях; отчуждение от семьи; отчуждение от самого себя. Опросник содержит 60 утверждений, оцениваемых по 100-балльной (процентной) шкале. Разрабатывается также версия опросника для школьников и студентов, в которой процентная шкала заменена 5-балльной, утверждения адаптированы для подросткового возраста, и вместо шкалы отчуждения от работы включена шкала отчуждения в учебной деятельности.

Шкалы субъективной витальности — русскоязычная адаптация (Л.А. Александрова, Д.А. Леонтьев) шкал субъективной витальности как состояния и как диспозиции Р. Райана и К. Фредерик (*Ryan, Frederick, 1997*). Эти авторы определяют субъективную витальность как осознанное переживание человеком своей наполненности энергией и жизнью и рассматривают ее как отражение физического (организменного) и психологического благополучия человека. Это феноменологически обоснованный критерий, содержание которого отличается от внешних критериев благополучия, таких как успех, здоровье, социальная поддержка и личные достижения (подробнее см. настоящее издание, с. 383—403). Методика в настоящее время не опубликована. Каждая из шкал (субъективной витальности как диспозиции и как состояния) состоит из 7 пунктов, оцениваемых по 7-балльной шкале, и дает один показатель. Строго говоря, к категории ресурсов устойчивости относится только субъективная витальность как диспозиция; ситуативная витальность служит только оценкой текущего состояния.

Тест диспозиционального оптимизма — опубликованная русскоязычная адаптация (*Гордеева, Сычев, Осин, 2010*) Life Orientation Test М. Шейера и Ч. Карвера (*Scheier, Carver, 1985*). Он измеряет оптимизм как личностную черту, выражающуюся в генерализованных позитивных ожиданиях по отношению к будущему (подробнее см. настоящее издание, с. 163—165). Тест содержит 8 утверждений, оцениваемых по 5-балльной шкале, а также, факультативно, 4 утверждения-филлера, задача которых — отвлечь респондента от содержания изучаемого конструкта.

Шкала общей самооффективности (ШОС) — полностью опубликованная русскоязычная адаптация (*Шварцер, Ерусалем, Ромек, 1996*) шкалы общей самооффективности Р. Шварцера (*Schwartz, 1993*), измеряющей самооффективность как генерализованное убеждение индивида в его способности достигать целей в различных ситуациях. Опросник содержит 10 утверждений, которые оцениваются по 4-балльной шкале.

Ресурсы саморегуляции

В этом разделе перечислены методики, имеющие наиболее прямое отношение к диагностике переменных личностного потенциала как устойчивых индивидуальных характеристик саморегуляции, относящихся преимущественно к трем охарактеризованным выше группам мишеней неклассической психодиагностики — атрибутивным схемам, стратегиям и межуровневым регуляторам. Как и в предыдущем случае, их отнесение к данной группе достаточно условно; некоторые из них одновременно выступают как ресурсы устойчивости. Вместе с тем, приведенные в этом разделе методики объединяет то, что они диагностируют переменные, относящиеся к высоким уровням саморегуляторных способностей и, с одной стороны, отличающиеся межиндивидуальным разбросом и интраиндивидуальной устойчивостью, но, с другой стороны, формирующиеся прижизненно на основе опыта взаимодействия с миром и допускающие формирование и развитие.

Русскоязычный опросник каузальных ориентаций (РОКО) — расширенная адаптированная версия (Д.А. Леонтьев, О.Е. Дергачева) опросника General Causality Orientation Scales (GCOS — *Deci, Ryan, 1985b*). Опубликовано частично (*Дергачева, Дорфман, Леонтьев, 2008*). Содержит описания 26 ситуаций, в каждой из которых опрашиваемый оценивает каждый из 3 предложенных вариантов реагирования по 7-балльной шкале. Три показателя методики измеряют выраженность трех каузальных ориентаций: автономной, внешней и безличной (подробнее см. настоящее издание, с. 232—237).

Тест жизнестойкости (ТЖС) — расширенная русскоязычная версия (Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова) опросника Personal Views Survey-III (*Maddi, Khoshaba, 2001*). Опубликовано полностью (*Леонтьев, Рассказова, 2006*). Измеряет выраженность жизнестойкости, которая рассматривается в рамках теории С. Мадди как личностный ресурс противодействия стрессу, включающий три установки: на вовлеченность в происходящие события, на готовность влиять на происходящее и на принятие вызовов, сопряженных с риском и неопределенностью (подробнее см. настоящее издание, с. 196—200). Наряду с общим показателем жизнестойкости опросник включает 3 субшкалы, отражающие эти три компонента жизнестойкости.

Шкала общей толерантности к неопределенности (ШОТН) — русскоязычная адаптация (*Луковицкая, 1998*) опросника Multiples Stimulus Types Ambiguity Tolerance Д. Маклэйна (*McLain, 1993*). Содержит 22 пункта, отражающих позитивное и негативное отношение к новизне, сложным задачам и неопределенным ситуациям, которые испытуемые оценивают по 7-балльной шкале. По данным дополнительных исследований (*Осин, 2010*) в тесте выделен ряд субшкал, позволяющих дифференцированно измерять отношение к новизне, отношение к сложным задачам и отношение к неопределенным ситуациям, а также позитивное (предпочтение) и негативное (избегание, интолерантность) отношение к неопределенности в целом.

Опросник стиля объяснения успехов и неудач (СТОУН) — модификация (*Гордеева, Осин, Шевяхова, 2009*) опросника атрибутивного стиля К. Петерсона и др. (Attributional Style Questionnaire ASQ — *Peterson, Semmel, von Bayer et al., 1982*), разработанная на основе анализа ряда версий этого опросника. Опубликовано полностью. Измеряет выраженность 3 параметров атрибутивного стиля (стабильность, глобальность и контролируемость) отдельно по отношению к ситуациям успехов и неудач (подробнее см. настоящее издание, с. 165—170). Разработаны как версия опросника для взрослых (СТОУН-В), так и версия для подростков (СТОУН-П). Опросник содержит 24 воображаемых ситуации, применительно к каждой из которых испытуемый формулирует возможную причину ее возникновения, а затем оценивает эту причину по двум из трех параметров атрибутивного стиля с использованием 6-балльной шкалы. Помимо общего показателя оптимистического атрибутивного стиля, опросник содержит субшкалы, измеряющие оптимистическое объяснение успехов, неудач, ситуаций достижения, межличностных ситуаций, а также 3 параметра атрибутивного стиля. Все субшкалы показывают высокую надежность. К настоящему времени

разработана также сокращенная версия опросника для взрослых, включающая 12 ситуаций достижения (успехов и неудач), каждая из которых оценивается по 3 параметрам атрибутивного стиля.

Опросник уровня субъективного контроля (УСК) — модифицированная версия (Бажин, Голынкина, Эткинд, 1993) шкалы локуса контроля Дж. Роттера (Rotter, 1966). Опросник содержит 44 утверждения, которые оцениваются по 6-балльной шкале. Наряду с общим показателем интернальности (локуса контроля) опросник дает ряд дифференцированных показателей, в частности, интернальность по отношению к достижениям и к неудачам, а также отдельно в 4 сферах жизнедеятельности: в области производственных отношений, семейных отношений, межличностных отношений, а также в области здоровья и болезни.

Шкала самоконтроля — адаптированная версия (Т.О. Гордеева; не опубликована) одноименной методики Дж. Тангни и др. (Tangney, Baumeister, Boone, 2004). Измеряет ощущение способности субъекта к контролю собственных импульсов. Полная версия содержит 38 пунктов, краткая — 13 пунктов, оцениваемых по 5-балльной шкале; обе версии методики обладают достаточно высокой надежностью.

Опросник «Контроль за действием» (Васильев, Леонтьев, Митина, Шапкин, в печати) представляет собой русскоязычную адаптацию опросника НАКЕМР Ю. Куля (Kuhl, 1990). Ориентация на действие или на состояние измеряется как биполярный конструкт применительно к ситуациям неудач, планирования и реализации деятельности (подробнее см. настоящее издание, с. 343—358). Опросник содержит 36 пар утверждений с альтернативным выбором (бинарная шкала ответа), сгруппированных в 3 шкалы: ориентация на действие/состояние при планировании, ориентация на действие/состояние при неудаче, ориентация на действие/состояние при реализации.

Опросник личностного динамизма — оригинальная методика (Д.В. Сапронов, Д.А. Леонтьев), измеряющая личностный динамизм, понимаемый как готовность личности к невынужденным изменениям, имеющим как внешний, так и внутренний источник. Текущая версия методики опубликована (Сапронов, Леонтьев, 2007), однако работа над методикой продолжается. Опросник содержит 20 утверждений, которые оцениваются по 4-балльной шкале.

Опросник волевого самоконтроля (ВСК) — оригинальная методика (А.Г. Зверков, Е.В. Эйдман), измеряющая волевой самоконтроль, понимаемый как обобщенная индивидуальная характеристика волевой регуляции деятельности, как в виде интегрального показателя, так и в двух более частных аспектах. Первый аспект — настойчивость, понимаемая как сила намерения, способность к завершению целенаправленного действия. Второй аспект — самообладание, понимаемое как контроль над собственными эмоциональными реакциями. Методика опубликована (Зверков, Эйдман, 1990). Всего опросник включает 30 пунктов, из которых 24 рабочих и 6 маскировочных; оценка производится по 4-балльной шкале.

Дифференциальный тест рефлексии (ДТР) — оригинальная методика (Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин), различающая формы рефлексии по характеру на-

правленности сознания. Полному отсутствию самоконтроля, сосредоточенности лишь на внешнем интенциональном объекте («арефлексия») могут быть противопоставлены три качественно специфических процесса: 1) интроспекция (самокопание), связанная с сосредоточенностью на собственном состоянии, собственных переживаниях; 2) системная рефлексия, связанная с самодистанцированием и взглядом на себя со стороны, позволяющая охватить одновременно полюс субъекта и полюс объекта; 3) квазирефлексия, направленная на сторонний объект, не имеющий отношения к актуальной жизненной ситуации и приводящая к уходу из актуальной ситуации бытия в мире. Три шкалы методики выявляют, соответственно, эти три процесса. Опубликована в виде частичного описания (Леонтьев, Лантева, Осин, Салихова, 2009). Сокращенная версия опросника содержит 30 пунктов, которые оцениваются по 4-балльной шкале.

Инструментальные ресурсы

К этой группе переменных мы относим характеристики фиксированных способов реагирования, закрепившиеся в индивидуальном опыте. В отличие от переменных предыдущей группы, по своей форме они представляют собой не гибкие стратегии, а автоматизированные операции, если вкладывать в это понятие смысл, близкий тому, что вкладывал в них А.Н. Леонтьев (2000): они осваиваются без участия сознания либо покидают сознание по мере их отработки, они основаны на культурных шаблонах, они срабатывают автоматически как в релевантных им, так и в не вполне релевантных им ситуациях; они обладают высокой устойчивостью; они не самоценны и служат лишь средством решения задач на пути к цели. В частности, сюда мы относим такие переменные, как копинговые механизмы, а также инструментальные способы самоорганизации деятельности. К наиболее часто используемым в наших исследованиях методикам этой группы, в частности, относятся:

Опросник способов совладания Р. Лазаруса и С. Фолкман (*Lazarus, Folkman*, 1984), известный в нескольких профессиональных вариантах русскоязычной адаптации (Битюцкая, 2007; Вассерман, Абабков, Трифонова, 2010; Крюкова, 2010). Опросник включает 50 утверждений, каждое из которых выражает определенный вариант поведения в трудной ситуации. Опрашиваемый оценивает по 4-балльной шкале типичность для него данного способа реагирования. Пункты опросника сгруппированы в 8 шкал, каждая из которых отражает одну из 8 выделенных авторами методик копинг-стратегий: конфронтация, дистанцирование, избегание, самоконтроль, принятие ответственности, поиск социальной поддержки, позитивная переоценка, планирование решения проблемы.

Опросник копинг-стратегий «COPE» (*Carver, Scheier, Weintraub*, 1989; Гордеева, Осин, Рассказова и др., 2010) также направлен на диагностику способов совладания, но основан на несколько иной классификации 15 копинг-стратегий,

выделенных Ч. Карвером и М. Шейером на основе их теории саморегуляции поведения и модели стресса Ч. Лазаруса. Опросник может быть использован для диагностики как ситуационных стратегий преодоления трудностей, так и лежащих в их основе диспозиционных стилей — в зависимости от того, предлагается ли респондентам связывать ответы со своими обычными способами реагирования или со специфическими трудными ситуациями. Опросник содержит 60 утверждений, сгруппированных в 15 шкал, соответствующих отдельным копинг-стратегиям: позитивное переформулирование и личностный рост, мысленный уход от проблемы, концентрация на эмоциях и их активное выражение, использование инструментальной социальной поддержки, активное совладание, отрицание, обращение к религии, юмор, поведенческий уход от проблемы, сдерживание, использование эмоциональной социальной поддержки, принятие «успокоительных», подавление конкурирующей деятельности, планирование.

Опросник самоорганизации деятельности (ОСД) (Мандрикова, 2010) — модификация опросника Time Structure Questionnaire (Bond, Feather, 1988), видоизменившая не только структуру методики, но и предмет диагностики. Содержит 25 пунктов, сгруппированных в 5 шкал, измеряющих особенности самоорганизации деятельности индивидом: планомерность, целеустремленность, настойчивость (способность к волевому переходу от планирования к осуществлению деятельности), фиксация (ригидность, потребность в завершении деятельности), самоорганизация с использованием внешних средств (ежедневники и пр.), ориентация на настоящее.

Перечень используемых нами методов является открытым и постоянно пополняется. Мы ограничились характеристикой основных методик, на которые опираются исследования, приведенные в 4-ой части этой книги, и не включили в него совсем новые методы, которые уже пригодны для использования, но на сегодняшний день еще не проявили себя в исследованиях. Целый ряд из них готовится к публикации в ближайшее время и одновременно еще многие находятся в процессе разработки или адаптации.

Возможности проведения эмпирических исследований личностного потенциала на базе сети Интернет

Перспективной платформой для проведения эмпирических исследований является Интернет. По сравнению с традиционными способами предъявления стимульного материала, интернет-исследования предлагают ряд преимуществ.

Простота и дешевизна сбора данных. Несмотря на то, что затраты на организацию исследования несколько выше, чем в ситуации бумажного предъявления методик, с увеличением объема выборки затраты на сбор и обработку данных в расчете на одно наблюдение оказываются значительно более низкими.

Возможность рандомизированного предъявления стимулов. Применительно к личностным тестам, рандомизированное предъявление пунктов позволяет избежать взаимного влияния формулировок соседних пунктов, что несколько снижает объем выборки, необходимый для получения хорошей факторной структуры.

Возможность фиксации времени реакции. Анализ информации о латентном времени ответа испытуемого на каждый пункт методики позволяет делать выводы как об особенностях стимулов (сложность понимания пункта и пр.), так и об особенностях стиля реагирования конкретного испытуемого (случайные ответы, гиперрефлексия, перерывы при заполнении теста и т.д.).

Возможность адаптивного тестирования. Несмотря на то, что практика применения неклассической тестовой теории (item response theory, IRT) к разработке личностных методик пока остается довольно ограниченной, в перспективе неклассическая тестовая теория позволяет предъявлять каждому испытуемому пункты, обладающие наибольшей дискриминативной способностью именно в том диапазоне латентного конструкта, к которому относится данный испытуемый. Это позволяет значительно сократить объем набора пунктов, предъявляемых отдельному испытуемому, при более высокой точности измерения по сравнению с тестами, разработанными в рамках классической тестовой теории (см. *Крокер, Алгина, 2010; Фер, Бакарак, 2010*).

Использование мультимедийных стимулов. В отличие от ситуации бумажного предъявления компьютерное и, в частности, интернет-тестирование позволяет использовать в качестве стимульного материала не только текст и графику, но и видеоролики, звуковое сопровождение, а также интерактивные диалоги (с использованием технологий «Flash» или приложений на языке Java). Современные технологии виртуальной реальности позволяют разрабатывать виртуальные лаборатории, в которых испытуемый может взаимодействовать в реальном времени с живым экспериментатором или с другими испытуемыми (*Sherwin, 2007*). При условии погружения испытуемого в виртуальную реальность удастся получить выборку поведения, которое может разворачиваться по тем же закономерностям, что и поведение испытуемого в реальных жизненных ситуациях.

Использование различных приемов сбора данных. В ситуации предъявления личностных опросников Интернет позволяет использовать не только текстовые шкалы, но и графические. Фиксация взаимодействия испытуемого с компьютерным интерфейсом (движения мыши, «клики», выбранные сайты) позволяет изучать особенности выбора, который испытуемый осуществляет в сети Интернет.

Возможность автоматизированного проведения экспериментальных исследований. Компьютерные технологии позволяют случайным образом назначать испытуемых в различные экспериментальные группы (экспериментальные условия), например, предъявляя им инструкции, задающие различные воображаемые ситуации. Таким образом, возможно проведение чистого эксперимента. Невозможность полного контроля условий, в которых работают испытуемые,

компенсируется легкостью увеличения объема выборки и сбора дополнительных данных для последующего статистического контроля.

Возможность автоматизированного проведения лонгитюдных исследований. Интернет-технологии позволяют сохранять контактные данные испытуемых и связываться с ними для повторного участия в исследовании.

Гибкость подбора испытуемых. В сети Интернет существует множество тематических сайтов, аудитория которых обладает сходными демографическими, а также, предположительно, психологическими особенностями. Объявления, приглашающие к участию в исследовании, могут размещаться на конкретных сайтах, аудитория которых наиболее соответствует исследовательским задачам: в качестве примера можно привести исследование особенностей саморегуляции у членов фанатских объединений, в рамках которого испытуемые рекрутировались через сайты фан-клубов (Арустамов, Леонтьев, Осин, 2009).

Возможность автоматического предоставления индивидуальной обратной связи. По итогам участия в исследовании испытуемый может незамедлительно получать автоматическую обратную связь о собственных результатах. С одной стороны, это повышает мотивацию испытуемых участвовать в исследовании, причем мотивация самопознания ведет к снижению эффектов социальной желательности. С другой стороны, это позволяет распространять психологические знания в сообществе, например, путем размещения в тексте обратной связи ссылок на интернет-ресурсы, релевантные конкретному испытуемому с учетом его/ее личностных особенностей.

Наряду с массой возможностей для проведения гибких психологических исследований, которые предоставляет Интернет, этот подход обладает и рядом ограничений, главным из которых является трудность обеспечения репрезентативности. По данным западных исследований (см. *Fraley, 2007*), пользователи Интернета отличаются более высоким уровнем образования и дохода, по сравнению с не-пользователями. Кроме того, среди пользователей Интернета могут быть недостаточно представлены отдельные социальные группы, такие как мигранты, маргиналы, и т.д. Тем не менее, с повышением проникновения интернет-технологий, проблема репрезентативности постепенно утрачивает актуальность, и в последнее время Интернет становится платформой для проведения серьезных исследований в области личности (см., например, *Soto, John, Gosling, Potter, 2011*).

В качестве другой проблемы различные авторы (см. *там же*) нередко отмечают возможность случайных ответов со стороны отдельных испытуемых, а также двойной регистрации ответов по техническим причинам или повторного заполнения опросника одними и теми же испытуемыми. Однако в реальных Интернет-выборках доля подобных испытуемых оказывается весьма небольшой, к тому же существуют способы контроля как случайных ответов (шкалы, состоящие из вопросов с «очевидными» ответами), так и двойных ответов (фильтрация по уникальному IP-адресу компьютера, использование технологии «cookies» для сохранения информации о заполнении теста в браузере пользователя, и т.д.).

Заключение

Мы рассмотрели методологические и методические вопросы, возникающие при исследовании и диагностике как ЛП в целом, так и отдельных его подсистем и компонентов. Специальное внимание было уделено природе переменных, характеризующих личностный потенциал как потенциал саморегуляции. Этот вопрос рассматривался через призму идеи неклассической психодиагностики (Леонтьев, 2010а), направленной на мишени, отличающиеся от традиционно выделяемых способностей, черт и состояний. В частности, мы показали, что большая часть переменных, описанных во второй части книги и рассматриваемых нами как компоненты ЛП, относится к таким группам мишеней неклассической психодиагностики, как атрибутивные схемы, стратегии и межуровневые регуляторы. Далее мы систематизировали основной инструментарий исследовательских методов, используемых нами в исследованиях ЛП, относящийся как к фиксации собственно компонентов личностного потенциала, так и к переменным другого рода, значимых в контексте этих исследований. В заключение мы обсудили методические возможности и ограничения сбора данных через Интернет.

Изложенное выше позволяет говорить об эмпирических исследованиях личностного потенциала как своеобразном направлении исследовательской и диагностической работы. Было бы неверно говорить о том, что за этим направлением стоит особая методология, отличная от традиционно используемой; между исследованиями ЛП и другими исследованиями личности нет отчетливой границы. Вместе с тем, понимание личностного потенциала не как набора черт, а как потенциала саморегуляции, основанного на нетрадиционных по своей природе и онтологии личностных переменных, позволяет в какой-то мере выделить это направление исследований в общем потоке.

Литература

- Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2007.
- Арустамов А.А., Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Особенности саморегуляции у членов фанатских объединений // Психология общения XXI век: 10 лет развития: Материалы Международной конференции 8—10 октября 2009 года: В 2-х т. М.; Обнинск: ИГСОЦИН, 2009. Т. 1. С. 124—128.
- Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткин А.М. Опросник уровня субъективного контроля (УСК). М.: Смысл, 1993.
- Битюцкая Е.В. Когнитивное оценивание и стратегии совладания в трудных жизненных ситуациях: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2007.
- Васильев И.А., Леонтьев Д.А., Митина О.В., Шапкин С.А. Ориентация на действие или состояние как индивидуальная характеристика саморегуляции. М.: Смысл, 2011 (в печати).
- Вассерман Л.И., Абабков В.А., Трифонова Е.А. Совладание со стрессом: Теория и психодиагностика. СПб.: Речь, 2010.

- Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1996.
- Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Рассказова Е.А., Сычев О.А., Шевяхова В.Ю. Диагностика копинг-стратегий: адаптация опросника COPE // Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе. Материалы II международной научно-практической конференции. Кострома, 23—25 сентября 2010 / Под ред. Т.Л. Крюковой, М.В. Сапоровской, С.А. Хазовой. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. Т. 2. С. 195—197.
- Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Шевяхова В.Ю. Диагностика оптимизма как стиля объяснения успехов и неудач: Опросник СТОУН. М.: Смысл, 2009.
- Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Разработка русскоязычной версии Теста диспозиционного оптимизма (ЛОТ) // Психол. диагностика. 2010. № 2. С. 36—64. (Спец. выпуск «Диагностика личностного потенциала-2» / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой.)
- Дергачева О.Е., Дорфман Л.Я., Леонтьев Д.А. Русскоязычная адаптация опросника каузальных ориентаций // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2008. № 3. С. 91—106.
- Зверков А.Г., Эйдман Е.В. Диагностика волевого самоконтроля (опросник ВСК) // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 116—124.
- Крокер Л., Алгина Дж. Введение в классическую и современную теорию тестов. М.: Логос, 2010.
- Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: Три копинг-шкалы. 2-е, испр. изд. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010.
- Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000.
- Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 1992.
- Леонтьев Д.А. На пути к счастью // Энциклопедия для детей. Т. 18. Человек. Ч. 3. Духовный мир человека / Глав. ред. Е. Ананьева; вед. ред. Т. Каширина. М.: Аванта+, 2004. С. 545—559.
- Леонтьев Д.А. Личность как преодоление индивидуальности: основы неклассической психологии личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. С. 134—147.
- Леонтьев Д.А. Перспективы неклассической психодиагностики // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010а. № 4(12). Электронный ресурс: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n4-12/353-leontiev12.html>.
- Леонтьев Д.А. Психологические ресурсы преодоления стрессовых ситуаций: к уточнению базовых конструктов // Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе. Материалы II Международной научно-практической конференции. Кострома, 2010б. Т. 2. С. 40—42.
- Леонтьев Д.А., Лаптева Е.М., Осин Е.Н., Салихова А.Ж. Разработка методики дифференциальной диагностики рефлексивности // Рефлексивные процессы и управление. Сб. материалов VII Международного симпозиума 15—16 октября 2009 г. / Под ред. В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2009. С. 145—150.
- Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю., Осин Е.Н., Плотникова А.В., Рассказова Е.И. Опыт структурной диагностики личностного потенциала // Психол. диагностика. 2007. № 1. С. 8—31. (Спец. выпуск «Диагностика личностного потенциала» / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина.)
- Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
- Луковицкая Е.Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998.
- Мандрикова Е.Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психол. диагностика. 2010. № 2. С. 87-111 (Спец. выпуск «Диагностика личностного потенциала-2» / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой.)
- Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.

- Осин Е.Н. Смыслоутрата как переживание отчуждения: структура и диагностика: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Осин Е.Н. Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. МакЛейна // Психол. диагностика. 2010. № 2. С. 65—86 (Спец. выпуск «Диагностика личностного потенциала-2» / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.И. Расказовой.)
- Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008 (электронная публикация).
- Сапронов Д.В., Леонтьев Д.А. Личностный динамизм и его диагностика // Психол. диагностика. 2007. № 1. С. 66—84. (Спец. выпуск «Диагностика личностного потенциала» / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина.)
- Фер Р.М., Бакарак В.Р. Психометрика: введение. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2010.
- Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. В 2-х тт. — М.: Педагогика, 1986. Т. 1.
- Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71—76.
- Штерн В. Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: Наука, 1998.
- Bandura A. Self-efficacy. The exercise of control. N.Y.: Freeman and Co., 1997.
- Bugental J.F.T. Outcomes of an Existential-Humanistic Psychotherapy: A Tribute to Rollo May // The Humanistic Psychologist. 1991. Vol. 19. № 1. P. 2—9.
- Bond M.J., Feather N.T. Some correlates of structure and purpose in the use of time // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. Vol. 55. P. 321—329.
- Carver C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K. Assessing coping strategies: A theoretically based approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 56. P. 267—283.
- Crumbaugh J.S., Maholick L.T. Manual of Instructions for the Purpose in Life Test. Munster (IN), 1981.
- Deci E.L., Ryan R.M. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. N.Y.: Plenum, 1985a.
- Deci E.L., Ryan R.M. The general causality orientations scale: Self-determination in personality // Journal of Research in Personality. 1985b. Vol. 19. P. 109—134.
- Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The Satisfaction With Life Scale // Journal of Personality Assessment. 1985. Vol. 49. P. 71—75.
- Fraley R.C. Using the Internet for Personality Research: What Can Be Done, How to Do It, and Some Concerns // Handbook of Research Methods in Personality Psychology / R.W. Robins, R.C. Fraley, R.F. Krueger (Eds.). N.Y.: The Guilford Press, 2007.
- Kuhl J. Instructions for questionnaire HAKEMP Version 1990. Munich (Germany): Max Planck Institute, 1990.
- Lasarus R., Folkman S. Stress, appraisal and coping. N.Y.: Springer, 1984.
- Lyubomirsky S., Lepper H. A measure of subjective happiness: Preliminary reliability and construct validation // Social Indicators Research. 1999. Vol. 46. P. 137—155.
- Maddi S.R., Khoshaba D.M. Personal Views Survey III-R: Test development and internet instruction manual. Newport Beach (CA): Hardiness Institute, 2001.
- Maddi S.R., Kobasa S.C., Hoover M. An Alienation Test // Journal of Humanistic Psychology. 1979. Vol. 19. № 4. P. 73—76.
- Magnusson D. The Person approach: Concepts, measurement models and research strategy // New Directions for Child and Adolescent Devel. 2003. № 101. P. 3—23.
- Magnusson D., Torestäd B. A Holistic view of personality: A model revisited // Annual Reviews in Psychology. 1993. Vol. 44. P. 427—452.

- McLain D.L.* The MSTAT-I: A new measure of an individual's tolerance for ambiguity // *Educational and Psychological Measurement*. 1993. Vol. 53. № 1. P. 183—189.
- Peterson C., Semmel A., von Bayer C., Abramson L., Metalsky G., Seligman M.E.P.* The attributional style questionnaire // *Cognitive Therapy and Research*. 1982. Vol. 6. № 3. P. 287—300.
- Rotter J.B.* Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // *Psychological Monographs*. 1966. Vol. 80. № 609.
- Royce J.R., Powell A.* Theory of personality and individual differences: factors, systems and processes. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1983.
- Ryan R.M., Frederick C.M.* On energy, personality and health: Subjective vitality as a dynamic reflection of well-being // *Journal of Personality*. 1997. Vol. 65. P. 529—565.
- Scheier M.F., Carver C.S.* Optimism, coping, and health: Assessment and implications of generalized outcome expectancies // *Health Psychology*. 1985. Vol. 4. P. 219—247.
- Schwartz R.* Measurement of perceived self-efficacy. Psychometric scales for cross cultural research. Berlin: Freie Universitat Berlin, Institut für Psychologie, 1993.
- Seligman M.E.P.* Helplessness: On depression, development, and death. San Francisco: Freeman, 1975.
- Sheldon K.M.* Creativity and self-determination in personality // *Creativity Research Journal*. 1995. Vol. 8. P. 25—36.
- Sherwin J.* Get a (Second) Life: Studying Behavior in a Virtual World // *APS Observer*. 2007. Vol. 20. № 6.
- Soto C.J., John O.P., Gosling S.D., Potter J.* Age differences in personality traits from 10 to 65: Big Five domains and facets in a large cross-sectional sample // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 100. № 2. P. 330—348.
- Tangney J.P., Baumeister R.F., Boone A.L.* High self-control predicts good adjustment, less pathology, better grades, and interpersonal success // *Journal of Personality*. 2004. Vol. 72. № 2. P. 271—322.